

**АРКАДИЙ
ГАЙДАР**

ПУСТЬ
СВЕТИТ

Аркадий Гайдар

Пусть светит

«Public Domain»

1933

Гайдар А. П.

Пусть светит / А. П. Гайдар — «Public Domain», 1933

«Отец запаздывал, и за стол к ужину сели трое: босой парень Ефимка, его маленькая сестренка Валька и семилетний братишка по прозвищу Николашка-баловашка. Только что мать пошла доставать кашу, как внезапно погас свет...»

Аркадий Гайдар

Пусть светит

Отец запаздывал, и за стол к ужину сели трое: босой парень Ефимка, его маленькая сестренка Валька и семилетний братишка по прозвищу Николашка-баловашка.

Только что мать пошла доставать кашу, как внезапно погас свет.

Мать из-за перегородки закричала:

– Кто балуется? Это ты, Николашка? Смотри, идоленок, добалуешься!

Николашка обиделся и сердито ответил!

– Сама не видит, а сама говорит. Это не я потушил, а, наверное, пробки перегорели.

Тогда мать приказала:

– Пойди, Ефимка, притащи из сеней лестницу. Да поставь сначала сахарницу на полку, а то эти граждане в темноте разом сахар захапают.

Вышел Ефим в сени, смотрит: что за беда? И на улице темно, и на станции темно, и кругом темно. А тут еще небо в черных тучах и луна пропала.

Забежал Ефим в комнату и сказал:

– Зажигайте, мама, коптилку. Это не пробки перегорели, а, наверное, что-нибудь на заводе случилось.

Мать пошла в чулан за керосином, а Ефимка, разыскивая сапоги, торопливо полез под кровать. Левый сапог нашел, а правый никак.

– Наверное, это вы опять куда-нибудь задевали? – спросил он у притихших ребяташек.

– Это Валька задевала, – сознался Николашка. – Она стащила сапог за печку, воткнула в него веник и говорит, что это будет сад.

– Ефимка, а Ефимка, – тревожным шепотом спросил Николашка, – что это такое на улице жужукает?

– Я вот вам пожужукаю, – ответил Ефимка. И, выкинув из сапога березовый веник, он с опаской сунул руку внутрь голенища, потому что уже однажды эта негодница Валька, поливая свой сад, вкатила ему в сапог целую кружку колодезной воды. – Я вот ей хворостиной пожужукаю!

Но тут и он замолчал, потому что услышал сквозь распахнутое окно какое-то странное то ли жужжание, то ли гудение. Он натянул сапоги и выскочил из комнаты. В сенях столкнулся с матерью.

– Ты куда? – вскрикнула мать и крепко вцепилась в его руку мокрыми от керосина пальцами.

– Пусти, мама! – рванулся Ефимка и выбежал на крыльцо.

Оглянувшись, он торопливо затянул ремень, надел кепку и быстро побежал темной улицей через овражек, через мостик в гору – в ту сторону, где стоял их небольшой стекольный завод.

В сенях что-то стукнуло. Кто-то впотьмах шарил рукой по двери.

– Кто там? – спросила мать, а Валька и Николашка подвинулись к ней поближе.

– Не спишь, Маша? – послышался дребезжащий старческий голос.

И тогда мать узнала, что это соседка Марфа Алексеевна.

– Какой тут сон, – быстро заговорила обрадованная мать. – И свету нет, и аэроплан гудит, и самого нет. А тут еще Ефимка так и рванулся из рук, как будто бы его кипятком ошпарили.

– Комсомольцы, – с грустью проговорила бабка.

Слышно было, как отодвинула она табуретку и положила руку на клеенчатый стол.

– Вот так и у меня Верка, как потух свет да услышала она, что гудит, кинулась сразу к двери. Я ей говорю: «Куда ты, дура?.. Ну мужики, ну парнишки... А ты ведь еще девчонка...

Шестнадцать годов». А она постояла, подумала. «Бабуня, говорит, не сердись. Это белый аэроплан. Это тревога. У нас сбор... У меня там товарищи». Схватила в сених с гвоздя сумку да как кошка прыгнула. Вот, Маша! Только я ее и видела.

– Сумку-то какую взяла? – спросила мать.

– А бог ее знает! Недавно притащила, сначала в комнате повесила. Да я сказала: «Убери, Верка, в сени, а то вся квартира карболкой пропахнет».

– Это военно-санитарная сумка, – вставил Николашка. – Это когда пробьет человека пулей или рванет его бомбой, вот тогда из этой сумки достают и завязывают. Я уже все узнал.

– Ты да не узнаешь! – вздохнула мать и, услышав, как загромыхал он табуреткой, спросила: – Ну и куда ты, Николашка, лезешь? Ну и что тебе не сидится? Только Валька задремала, а он – грох... грох...

– Мама, – отодвигаясь от подоконника, уже тише спросил Николашка, – а что это такое далеко бубухает: бубух да бубух?

– Где, паршивец, бубухает? – тихо переспросила вздрогнувшая мать.

И от этих глупых Николашкиных слов руки ее ослабли, а маленькая спящая Валька показала ей тяжелой, как большой камень. Она подвинулась к окошку.

И точно, как порывы шального ветра, как отголоски уже недалекой грозы, что-то вздрагивало, затихало, но это был не ветер и не гроза, это глухо и часто бабахали боевые орудия.

... Чем ближе подбегал Ефим к заводу, тем чаще и чаще попадались ему торопящиеся люди, хлопали калитки, громыхали ворота и тарактели телеги. Поднимаясь в гору, он нагнал комсомолку Верку.

– Бежим скорее, Верка. Ты не знаешь, где это бабахают?

– погоди, Ефим! Подержи-ка сумку. Я чулок поправлю. Я уже спать собралась, вдруг – гудит. Насилу от бабки вырвалась.

– Что чулок, – ответил Ефим, забирая пахнущую лекарствами сумку. – Что чулок! У меня и вовсе один сапог на босу ногу. Скорей бежим, Верка.

У поворота они столкнулись с двумя. Один был незнакомый, длинный, с винтовкой, другой – без винтовки, с наганом.

И тот, который с наганом, был член ревкома Семен Собакин.

– Стойте, – приказал Собакин. – Вы куда? На сбор? Там пока и без вас обойдутся. Бегите скорее на перекресток Малаховской дороги. Сейчас пойдут подводы для беженцев. Сидите, дежурьте и считайте. Пятнадцать подвод сразу на Верхние бугры, и пусть ждут у школы. Десять – по Спасской в самый конец. А все остальные к ревкому.

– Дай винтовку, Собакин, – попросил Ефим. – Раз я дежурный, то давай винтовку.

– Дай ему, Степа, – обернулся Собакин к своему длинному сутулому товарищу.

– Не дам, – удивленно и спокойно ответил товарищ. – Вот еще мода!

– Дай, а я на сборе сейчас же скажу, чтобы тебе другую выдали.

– Не дам! – уже сердито ответил товарищ. – Другая то ли еще будет, то ли нет. А эта на месте. – И, хлопнув ладонью по прикладу, он ловко закинул винтовку через плечо.

– Ну, хоть штык дай, – рассердился торопящийся Собакин.

– Это дам, – согласился товарищ.

И, сняв с пояса, он протянул Ефиму тяжелый немецкий штык в блестящих ободранных ножнах.

– Как бритва, – добродушно сказал он нахмурившемуся Ефиму. – Сам своими руками целый час точил.

... Они добежали до перекрестка темной и пустой дороги.

– Сядем под кустом, – тихо сказал Ефим. – Заодно я в сапог травы натолкаю, а то как бы и вовсе не сбить ногу без портянки.

Свернули и сели. Ефим сдернул сапог и, ощупав рукою траву, спросил:

– А что, Верка, нет ли у тебя в сумке широкого бинта или марли? Тут не трава, а кругом сухая полынь.

– Вот еще, Ефимка! И бинт есть и марля есть, только я не дам: это для раненых, а не на твои портянки.

– Пожалела, дуреха, – рассердился Ефим и, осторожно ступая, пошел в кусты.

Он ожег руку о крапиву. Наколол пятку колючкой. Наконец, нащупав большой лопух, он сел на землю и стал завертывать босую ногу в широкие пыльные листья.

Он обул сапог и задумался. Еще только позавчера он спокойно шел по этой дороге. Вот так же булькал ручей. Вот так же тихо насвистывала пичужка. Но не грохали тогда орудия. Не полыхало на черном небе зарево и не гудел издали тяжелый церковный колокол: доон!.. доон!..

– Казаки, – пробормотал он, вспомнив клубные плакаты, – белые казаки.

И вдруг, как будто бы только сейчас, впервые за весь вечер, он по-настоящему понял, что это уже не те безвредные намалеванные казаки, что были приляпаны вместе с плакатами на стенах ревкома и в клубе, а что это мчатся живые казаки на быстрых конях, с тяжелыми пашками и с плетеными нагайками.

Он вскочил и пошел к Верке.

– Верка, – сказал он, крепко сжимая ее руку, – ты что? Ты не бойся. Скоро пойдем на сбор, там все наши.

– Дай ножик, Ефимка. Почему ты так долго?

– На, возьми, – и Ефим протянул ей холодный маслянистый клинок немецкого штыка.

В темноте что-то хрустнуло и разорвалось.

– Бери, – сказала Верка. – Завернешь ногу, лучше будет. Слышишь, стучит? Это, кажется, наши подводы едут.

– Вот глупая! – выругался Ефим, почувствовав, как вместе с клинком она сунула ему в руку что-то теплое и мягкое. – Вот дура. И зачем ты, Верка, свой шерстяной платок разрежала?

– Бери, бери. На что он мне такой длинный? А то собьешь ногу... Нам же хуже будет.

Пятнадцать подвод пошли на Верхние бугры. Десять – до конца Спасской. Но последние подводы сильно запаздывали. И только к полуночи позабытые всеми Ефим и Верка вернулись к ревкому.

Орудия гремели уже где-то совсем неподалеку. Вблизи загорелась старая деревня Щуповка. Свет опять погас.

Захлопывались ставни, запирались ворота, и улицы быстро пустели.

– Вы что тут шатаетесь? – закричал появившийся откуда-то Собакин.

– Собакин! Чтоб ты сдох! – со злобой крикнул побелевший Ефимка. – Кто шатается? Где отряд? Где комсомольцы?

– погоди, – переводя дух, ответил узнавший их Собакин. – Отряд уже ушел. Вы с подводами? Берите две подводы и катайте скорее на Песочный проулок. Там остались женщины и ребята. Сейчас Соломон Самойлов прибежал. Все уехали, а они остались. Оттуда поезжайте прямо к новому мосту. За мостом сбор. Дальше – на Кожуховку. А там наши.

Собакин быстро кинулся прочь и уже откуда-то из темноты крикнул Ефиму:

– Смотри... ты... боевой! Вы отвечать будете, если беженцы с проулка не попадут на место.

– Верка, – пробормотал Ефим, – а ведь это наши остались. Это Самойловы, Васильевы, мать с ребятами, твоя бабка.

– Бабке что? Она старая, ей ничего, – шепотом ответила Верка. – А Самойловым плохо, они евреи.

Крепко схватившись за руки, они побежали туда, где только что оставили две подводы. Но, сколько они ни бегали, сколько ни кричали, подводчик как провалился.

– Едем сами, – решил Ефим. – Прыгай, Верка. А ждать больше некогда.

... На повороте они чуть не сшибли женщину. В одной руке женщина тащила узел, другою держала ребенка, а позади нее, всхлипывая, бежали еще двое.

– Ты, куда, Евдокия? Это за вами подвода! – крикнул Ефим. – Стой здесь и никуда не беги. А мы сейчас воротимся.

Еще не доезжая до дома, он услышал крики, плач и ругань.

– Соломон, где ты провалился? – закричала старая бабка Самойлиха. И с необычайной для ее хромой ноги прытью она вцепилась в Ефимкину телегу.

– Это я, а не Соломон, – ответил Ефим. – Тащите скорее ребят и садитесь.

– Ой, Ефимка! – закричала обрадованная мать.

И тотчас же бросилась накладывать на телегу мешки, посуду, корзинки, ребят, подушки, все в одну кучу.

– Мама, не наваливайте много, – предупредил Ефим. – На дороге еще тетка Евдокия с ребятами.

– Соломон где? – уже в десятый раз спрашивала Самойлиха. – Он побежал лошадей доставать. Куда же без Соломона?

– Не видел я Соломона. Это мои подводы, – ответил Ефим, и, забежав во двор, он отвязал с цепи собачонку Шурашку.

Вернувшись к первой подводе, он увидел, что мать взваливает ножную швейную машину.

– Мама, оставьте машину, – попросил Ефим. – Где же место? Ведь у меня на дороге еще тетка Евдокия с ребятами.

– Что, Евдокия?.. Я вот тебе оставлю! – угрожающе и тяжело дыша, ответила мать. – Я тебе, дьяволу, покажу, как бегать... – И, кроме машины, она бухнула на телегу помятый медный самовар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.